

Глава 4

В Японии известие о серебряной медали Хирано Миядзаки в Финале Гран-при по фигурному катанию среди юниоров вызвало самый настоящий фурор.

Комментатор, работавший на трансляции, сорвал голос и находился на грани безумия. Неожиданный триумф вверх его в пучину экстаза:

— Зрители на трибунах! Те, кто у экранов телевизоров! Второе место! Серебро! Наш Миядзаки обошел десятки невероятно одаренных соперников и завоевал серебряную медаль! Это победа всей нашей страны! Спустя двадцать лет Япония наконец-то вернулась на пьедестал почета в мужском одиночном катании! Наш фигурист разрушил проклятие двух десятилетий!

Второй комментатор кричал еще громче, превосходя по накалу страстей самых пылких героев спортивного аниме:

— Миядзаки — настоящий герой Японии! Он сокрушил Государство Хуа и сотворил чудо! Всем известно, как долго наши страны соперничали на льду, но сегодня Япония безоговорочно лидирует. Мы сделали великий шаг вперед!

Японская пресса наперебой трубила о победе. В один миг Хирано Миядзаки превратился в суперзвезду, приковав к себе взгляды миллионов.

В Японии фигурное катание любили гораздо сильнее, чем в Государстве Хуа, так что вскоре все социальные сети запестрели заголовками и фотографиями триумфатора.

«Миядзаки-кун невероятен! Мало того что попал на пьедестал, так еще и взял серебро!»

«Красавец, так держать! С таким настроением и до золота рукой подать!»

«Хирано — гордость нации! Японское фигурное катание теперь на вершине Азии, мы полностью разгромили Государство Хуа!»

Некоторые болельщики из Государства Хуа, жившие в Японии, хотели было возразить, но промолчали. Спорить было бессмысленно — это была чистая правда.

Фигурное катание в Государстве Хуа действительно переживало тяжелые времена, уступая японскому.

После завершения трансляции в классе воцарилось уныние. Даже вечно болтливая Му Ин притихла, не находя слов.

Обеденный перерыв пролетел незаметно. Опасаясь, что учителя заметят контрабанду, Му Ин поспешно припрятала телефон.

Вторая половина дня прошла в напряженной учебе, однако Цзян Сюгуан не мог не заметить, что сидящий впереди Цзю Шэн витает где-то в облаках. Взгляд юноши был задумчивым, словно он взвешивал в уме нечто крайне важное.

Едва прозвенел звонок, Цзю Шэн подхватил сумку со своими поношенными коньками и отправился во вчерашний ледовый комплекс. На катке было просторно, лишь несколько человек лениво нарезали круги по периметру. Закончив недолгую разминку, Цзю Шэн зашнуровал ботинки и выкатился на лед.

Сначала он заложил широкий вираж, скользя на одной ноге, а затем плавно ушел в волчок.

Ощущение полета и невесомости затягивало его все глубже. Движения становились мягче, точнее, изящнее.

Сегодня его скольжение казалось куда более уверенным, ушла вчерашняя скованность. Лезвия мягко резали лед, почти не оставляя за собой крошева.

Поглощенный процессом, Цзю Шэн не замечал, что у бортика снова стоит Сюй Чжоу, который опять пробрался сюда тайком.

Пролетая над ледяным зеркалом, Цзю Шэн мысленно перебирал элементы: шаги, вращения, заходы, прыжки.

И вдруг он склонился и зафиксировал позицию: полу-Бильман.

В фигурном катании этот элемент называют вращением в ласточке с захватом конька. Фигурист держит ласточку и одновременно одной рукой поднимает ногу за лезвие высоко над головой.

Конечно, это не полноценный Бильман, но и такая позиция требует колоссальной, почти запредельной гибкости. Мужчинам, чьи связки от природы жестче женских, этот элемент дается с невероятным трудом.

Однако Цзю Шэн выполнял его с пугающей легкостью, словно не чувствуя сопротивления собственного тела.

Сюй Чжоу, наблюдавший из тени, невольно покачал головой от восхищения.

Еще вчера он понял, что этот мальчишка пластичен как пластилин, но чтобы настолько... Сложнейший полу-Бильман — без видимых усилий, играючи.

А сам Цзю Шэн остался недоволен своим вращением.

"Все-таки тело еще деревянное. В прошлой жизни я бы без труда скрутил полный Бильман, даже не поморщившись"

Такой прокат выжал бы все соки из любого подготовленного спортсмена, но Цзю Шэн даже не думал останавливаться.

По его лбу катился пот, намочивший челку, но глаза горели лихорадочным блеском. Капля пота скатилась по шее и скрылась за воротом футболки. В этом зрелище было нечто завораживающее, почти интимное.

Вдруг Сюй Чжоу напрягся. Цзю Шэн снова пошел на длинный разгон.

«Неужели опять тройной аксель?»

Длинный заход подходил к концу. Сюй Чжоу приготовился оценить прыжок, сравнить его со вчерашней попыткой, понять, насколько парень прогрессировал.

Но в момент толчка Цзю Шэн развернулся спиной. Он прыгал не вперед! Это был совсем другой прыжок!

Обладая колоссальным опытом, Сюй Чжоу мгновенно распознал заход на тулуп. Сам по себе тулуп считается самым простым из прыжков, но безумие заключалось в другом: этот сумасшедший мальчишка замахнулся на четыре оборота!

Четверной тулуп!

"Да он издевается?! Этому мелкому ублюдку совсем жить надоело? Мало ему было вчерашней пахоты на акселе?!"

Не освоив толком тройные прыжки, лезть сразу на четверной — чистой воды суицид. Так ломают карьеры и спины.

Глядя на крутящееся в воздухе тело, Сюй Чжоу на мгновение опешил. Этот прыжок... Этот резкий толчок и группировка казались ему до боли знакомыми.

Его будто током ударило.

"Да это же четверной тулуп Степана! Тот самый, из произвольной программы в Финале!"

Мальчишка буквально копировал технику великого Степана!

И ладно бы просто пытался — его тело воспроизводило сложнейший биомеханический рисунок с пугающей точностью.

Сюй Чжоу повидал немало одаренных подражателей, но впервые сталкивался с безумцем, который рискнул без подготовки скрутить квад просто «с экрана» — и выдал настолько точную копию.

Впрочем, законы физики не обмануть. Без многолетней закалки связок и напрыганной базы исход мог быть только один.

Цзю Шэн рухнул. Падение вышло страшным, глухой удар о лед заставил Сюй Чжоу поморщиться.

"Черт, доигрался. Надеюсь, хоть кости целы"

Внутренне ругаясь на чем свет стоит, тренер уже мчался на лед, на ходу перелезая через бортик, бледный от страха за мальчишку.

Приложило Цзю Шэна действительно сильнее, чем вчера. Он лежал на льду, шумно дыша и до боли стискивая зубы.

Но, по крайней мере, падать он научился: в последний момент успел сгруппироваться, погасив инерцию плечом. Больно, чертовски больно, но суставы и связки уцелели.

Сам Цзю Шэн не чувствовал себя дураком. Им двигал дикий, первобытный инстинкт — жажда адреналина и вызова. Тройной аксель, четверной тулуп — для него это были не просто цифры судейской шкалы, а чистый, концентрированный кайф.

Он с раннего детства знал, что отличается от нормальных людей. Его одержимость победой, его страсть к преодолению невозможного граничили с безумием. Он готов был расшибиться в лепешку, стереть колени в кровь, лишь бы почувствовать этот триумф. Другие называли бы его психопатом.

Но он ничего не мог с собой поделать. Этот трепет в груди, этот парализующий восторг полета стоили любой боли.

С помощью Сюй Чжоу он медленно, со скрипом поднялся на ноги.

Тренер принялся торопливо прощупывать его колени и лодыжки, как вдруг Цзю Шэн тихо спросил:

— Скажи... в фигурном катании Государства Хуа сейчас и впрямь все так паршиво?

Сюй Чжоу замер. Во рту разлилась горечь.

— Да... есть такое.

«Паршиво» — еще мягко сказано. Дела шли хуже некуда.

Спортивное руководство уже рвало на себе волосы. Единственная надежда страны, юный гений Цзю Ли, умудрился травмироваться прямо перед ключевым стартом сезона. А теперь еще и японцы со своим серебром... Чиновников от спорта буквально трясло от ярости.

Пока Сюй Чжоу предавался мрачным мыслям, Цзю Шэн вдруг пристально посмотрел на него:

— Вчера ты предлагал стать моим тренером. Твои слова еще в силе?

Сюй Чжоу не сразу сообразил, о чем речь. А когда до него дошло, его глаза округлились:

— Что?! Ты... ты согласен уйти в профессиональный спорт? — Он не верил своим ушам. — Но почему вдруг?

Цзю Шэн тонко, почти хищно улыбнулся. Его утонченное лицо в этот миг казалось невероятно, дьявольски красивым.

— Просто мне подумалось... Взойти на пьедестал от имени своей страны — это ведь чертовски весело.

Сюй Чжоу онемел.

«Весело?!»

Цзю Шэн небрежным движением смахнул пот со лба. Мокрые пряди скользнули по лицу.

Когда японцы праздновали победу над его страной, в груди Цзю Шэна, вопреки обычному равнодушию к миру, шевельнулась глухая, темная злость. Каким бы безумцем он ни был,

чувство гордости за родину у него не атрофировалось.

Юноша коснулся языком разбитой губы, слизывая каплю крови.

Балет по-прежнему манил его, но бывшего азарта уже не приносил — там он уже взял свою вершину. А фигурное катание было чистым листом. Терра инкогнита, обещающая безумную дозу адреналина.

Он ненавидел стоять на вершине в одиночестве. Его стихией был сам подъем — карабкаться вверх, сдирая ногти о камни, преодолевать себя. И фигурное катание могло дать ему эту борьбу в избытке.

А если эта борьба принесет триумф его стране — разве это не идеальный выбор?

Глаза Цзю Шэна вспыхнули лихорадочным огнем, губы растянулись в широкой, безумной улыбке. Сюй Чжоу вдруг поймал себя на мысли, что смотрит не на тринадцатилетнего подростка, а на какого-то харизматичного кинозлодея, который только что придумал, как уничтожить весь мир.

А мгновение спустя тренер запрокинул голову и громко, раскатисто расхохотался.

Он наконец-то понял, с кем имеет дело.

Настоящему чемпиону, помимо таланта и каторжного труда, нужна безумная, граничащая с патологией жажда победы.

Сюй Чжоу тренировал многих, но никогда еще не встречал человека с настолько бездонным, пугающим голодом до триумфа.

Этот мальчишка станет не просто козырем Государства Хуа. Он станет джокером, который перевернет всю игру.

<http://bllate.org/book/20292/2106474>